

К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве

Н. В. Самсонов

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
Российская Федерация, 344000, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66

Для цитирования: Самсонов, Николай В. 2019. «К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 293–310. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.207>

В статье исследуется возможность отнесения судебной практики и судебного прецедента к источникам (формам) гражданского процессуального права. Автор утверждает, что данные категории являются близкими, но не тождественными, анализирует различные подходы к их пониманию в юридической литературе, а также формулирует их определения. Разграничивается судебная практика в широком и узком смысле, очерчиваются иерархические границы последней — от решений вынесенных судом первой инстанции до постановлений Президиума Верховного суда РФ, вынесенных по конкретным делам в порядке надзора. Обращается внимание на особый характер постановлений Пленума Верховного суда РФ и обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного суда РФ, обусловленный тем, что они не являются актами, вынесенными по конкретным делам, и принимаются вне процессуальной формы. Постановления Президиума Верховного суда РФ, вынесенные в порядке надзора, представляют собой судебный прецедент, в настоящее время имплицитно признанный источником (формой) права на законодательном уровне, в то время как остальная часть судебной практики в указанных границах ни в виде ее отдельных элементов, ни в целом источником права не является. Автор выдвигает предложение о переводе имплицитного признания постановлений Президиума Верховного суда РФ, вынесенных по конкретным делам в порядке надзора, в разряд эксплицитных; отмечается также необходимость законодательного закрепления ряда дополнительных условий использования судебного прецедента в качестве источника (формы) права.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, судебная практика, судебный прецедент, источники гражданского процессуального права.

1. Введение. В специальной юридической литературе, в процессуальных документах и в повседневном общении юристы зачастую не всегда уместно используют термины «судебная практика» и «судебный прецедент» как синонимы, иногда недостаточно четко представляя их истинное значение. Более того, делаются попытки обосновать ссылками на наличие судебной практики и/или судебного прецедента не только иски и возражения против исков, но и судебные решения. В сознании многих практикующих юристов, в том числе судей, судебный прецедент и судебная практика фактически приравнены к закону, а иногда стоят выше, чем закон.

По мнению С. Л. Дегтярева, в научном сообществе до сих пор не сформулированы такие системообразующие признаки данных правовых явлений, которые позволили бы провести четкую границу между судебной практикой как источником права и иными источниками, в частности законом и прецедентом (Дегтярев 2012).

Мы не можем согласиться с подобными умозаключениями и полагаем, что граница между судебной практикой, представляющей собой совокупность судебных решений, и законодательством, представляющим собой в широком смысле совокупность законов и подзаконных актов, как типами юридических феноменов, являющихся или теоретически могущих являться источниками (формами) права, очевидна и ярко выражена. Эта граница заметна в механизме их формирования, во внешней форме, порядке опубликования и вступления в силу составляющих их актов. Явно отличны и органы, создающие столь различные правовые феномены. Поэтому мы полагаем, что нет надобности уделять значительное, пристальное внимание описанию указанной границы. В то же время проблема разграничения понятий «судебная практика» и «судебный прецедент» достаточно актуальна. Все это побуждает нас обратиться к детальному изучению данных феноменов, исследовать их правовую природу, значение и соотношение с источниками (формами) гражданского процессуального права.

2. Основное исследование. Судебная практика и судебный прецедент — близкие, но не тождественные явления правовой действительности, соотносимые как общее и единичное и оказывающие существенное влияние на развитие различных элементов гражданской процессуальной формы, поскольку судебная деятельность, результат которой оформляется в виде судебных актов (решений, определений, постановлений), выступает не только итогом рассмотрения и разрешения конкретных гражданских дел, но и своеобразным базисом, формирующим специфику процессуальной системы, влияющим на развитие как гражданского судопроизводства в целом, так и отдельных институтов гражданского процессуального права.

В связи с этим в настоящей статье мы хотим остановиться на вопросах, связанных с возможностью включения судебных актов судов общей юрисдикции (судебного прецедента и судебной практики) в структуру источников гражданского процессуального права. Этот безусловно значимый для теории гражданского процессуального права и практики гражданского судопроизводства вопрос, на наш взгляд, не прояснен в достаточной мере в юридической научной и специальной литературе. Абсолютно справедлива негативная оценка данного факта, поскольку практически во всех научных трудах, связанных с исследованием проблем источников гражданского процессуального права, в том или ином контексте используется термин «судебная практика», элементом которой, согласно позициям некоторых авторов, выступает в том числе судебная практика судов первой инстанции — как федеральных судов общей юрисдикции, так и мировых судей (Ткачева 2013). Вероятно, отсутствие исчерпывающей научной разработки данного вопроса объективно обусловлено достаточно явно выраженным и длительно существующим в отечественной научной среде негативным отношением к возможности признания формой права различных итоговых актов, принимаемых в процессе деятельности ординарных судов, особенно судов первой инстанции.

Д. Я. Малешин указывает, что для исследования специфики фактического использования судебных решений в качестве источника права следует разграничи-

вать категории «судебный прецедент» и «судебная практика». Их употребление в качестве синонимов неоправданно, поскольку между ними существует определенная несхожесть, неоднократно упоминавшаяся в различных исследовательских работах (Малешин 2011), и мы не можем не согласиться с такой точкой зрения.

Понятие «судебная практика» является дискуссионным, его дефиниции изменялись вместе с развитием отечественной юридической науки. Так, С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров определяли судебную практику как такую деятельность суда, результатом которой становится толкование норм права в процессе их применения судом при разрешении конкретных дел (Братусь (ред.) 1975, 9). Таким образом, по их мнению, далеко не всякое применение судом закона к конкретному правоотношению формирует судебную практику. Основным критерием для положительного решения вопроса о включении того или иного судебного акта в категорию судебной практики выступает присутствие в нем элемента правотолкования, направленного на раскрытие содержания применяемой нормы и устраняющего тем самым возможные проблемы в восприятии законодательства судами в дальнейшем. Подобный подход, позволяющий обосновывать выводы о причислении судебной практики в предлагаемом указанными авторами понимании к источникам права, представляется нам сложно применимым в практической юриспруденции, поскольку не дает возможности заблаговременно определить конкретные акты, составляющие судебную практику (для решения вопроса об отнесении судебного акта к судебной практике необходимо провести анализ данного акта на предмет выявления в нем элемента правотолкования).

Иной, развернутый подход к пониманию судебной практики высказал С. С. Алексеев, который рассматривал судебную практику как «объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов» и разделял ее на три основные формы: текущую, прецедентную и руководящую (Алексеев 1981, 340). По его мнению, текущая практика представляет собой практику первичную, опыт применения законодательства, выраженный в решениях судов по конкретным юридическим делам. Прецедентную практику С. С. Алексеев рассматривал как опыт применения законодательства, выраженный в решениях высших судебных органов по конкретным делам, имеющим принципиальный характер и поэтому наиболее остро отражающим спорные вопросы применения закона, вызывающие затруднения у нижестоящих судов. Результат такой практики — создание образца толкования нормы, выработка определенного положения о применении нормы права по аналогичным делам. Руководящая же практика, с его точки зрения, представляет собой опыт применения законодательства, выраженный в особых актах центральных судебных и иных юрисдикционных органов (постановлениях Пленума Верховного суда РФ (далее — ВС РФ)), в которых данные практики обобщенно, вторично формулируются в виде конкретизирующих норму предписаний. На наш взгляд, именно в этой предложенной С. С. Алексеевым классификации можно обнаружить предпосылки выявления оснований для разграничения понятий «судебная практика» и «судебный прецедент», которые мы и попытаемся сформулировать в данной статье.

В. В. Молчанов выделяет судебную практику, представляющую собой опыт применения законодательства судами первого и второго звена по конкретным де-

лам, а также выраженный в решениях мировых судей, в качестве отдельного вида судебной практики (Треушников (ред.) 2006, 48).

С. Н. Братусь отрицал возможность причисления к судебной практике любого решения нижестоящих судов, определения кассационной или надзорной инстанции и даже суммы решений по конкретной группе дел (Братусь (ред.) 1975), т. е. рассматривал в качестве судебной практики как юридического феномена, имеющего значение, выходящее за пределы индивидуальных, правоприменительных актов, исключительно решения высших судов.

Мы, в целом соглашаясь с В. В. Ярковым и А. В. Цихоцким, которые определяют судебную практику как деятельность судов любого уровня по применению норм процессуального и материального права, объективно существующую в соответствующих процессуальных актах (решениях, определениях, постановлениях) (Ярков 2008, 55), как результат функционирования судов всех звеньев отечественной судебной системы (Цихоцкий 1997, 165), считаем необходимым обратить внимание на особый характер постановлений Пленума ВС РФ и обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом ВС РФ, в связи с чем полагаем правильным ограничить возможность отнесения судебных актов к судебной практике следующими иерархическими границами: от вынесенного судом общей юрисдикции решения по конкретному делу в первой инстанции до постановления Президиума ВС РФ, вынесенного в порядке надзора.

Специфика же постановлений Пленума ВС РФ и обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом ВС РФ, вытекает из их непроцессуального характера, из того, что они принимаются не в порядке гражданского судопроизводства и не являются актами, вынесенными по конкретным делам, а представляют собой результат анализа совокупности таких актов, основанного на изучении суммы судебных ошибок, допущенных при рассмотрении конкретных дел, и тенденций развития судебной практики. По нашему мнению, это не позволяет поставить их в один ряд с решениями судов по конкретным делам, которые, как мы указали выше, и составляют судебную практику, и свидетельствует о необходимости проведения специального, отдельного исследования их сущности.

Таким образом, в целях исследования системы источников гражданского процессуального права необходимо разделять судебную практику судов общей юрисдикции по гражданским делам в широком и узком смысле. В широком смысле она представляет собой совокупность всех судебных постановлений (решений, постановлений и определений, как окончательных, так и промежуточных), принимаемых всеми судебными органами, в том числе международными судами, включая акты, принимаемые не в связи с рассмотрением и разрешением конкретных дел¹. Судебную практику судов общей юрисдикции по гражданским делам в узком смысле составляют единственно окончательные судебные постановления, принятые судами

¹ Ряд исследователей причисляют к судебной практике, наряду с непосредственной деятельностью судов, и теоретические исследования, посвященные изучению различных процессуальных аспектов. Так, В. М. Жуйков рассматривает судебную практику по гражданским делам как «деятельность судов по применению законодательства при рассмотрении конкретных гражданских дел и как использование опыта и результатов этой деятельности», в том числе в научных исследованиях (Жуйков 1997, 5). Однако нам подобное усложнение сущности рассматриваемого явления представляется излишним, поскольку в теории государства и права давно выделяется такой вид источников права, как правовая доктрина и теоретические воззрения (научные взгляды).

общей юрисдикции в процессе гражданского судопроизводства при разрешении конкретных гражданских дел. Для исследования источников гражданского процессуального права мы считаем целесообразным оценивать судебную практику в узком смысле, поскольку судебная практика в широком смысле представляет собой разнокалиберную и разнонаправленную совокупность неравноценных актов, что делает ее исследование в этих целях бесперспективным.

Кроме того, учитывая ранее отмеченную нами необходимость выделения в качестве отдельных категорий актов Конституционного суда РФ (далее — КС РФ), Европейского суда по правам человека, постановлений Пленума ВС РФ и обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом ВС РФ, следует подчеркнуть недопустимость их рассмотрения в составе судебной практики в узком смысле, что обусловлено их принципиально отличным от иных актов, составляющих судебную практику, характером, проявляющимся в том, что указанные акты принимаются вне гражданской процессуальной формы и не в процессе разрешения гражданских дел по существу².

С. Л. Дегтярев подчеркивает, и в этом с ним нельзя не согласиться, что, хотя судебная практика, безусловно, сыграла значительную роль в формировании современных нам процессуальных правил поведения субъектов гражданского производства, а также продолжает оказывать существенное влияние на законодательный процесс и во многом определять внутреннее убеждение судей в ходе рассмотрения дел, исчерпывающее определение данного понятия в отечественной правовой действительности отсутствует (Дегтярев 2012).

Поэтому в целях настоящего исследования логически верно рассматривать судебную практику в узком смысле как совокупность судебных постановлений, принятых судами общей юрисдикции при рассмотрении и разрешении конкретных дел, представляющую собой обобщенный результат правоприменительной деятельности судов разного уровня, очерченную иерархическими границами — от вынесенных судом первой инстанции решений по конкретным делам до вынесенных Президиумом ВС РФ постановлений в порядке надзора, включающую элемент правотолкования, направленный на выявление содержания применяемой нормы, и выражающую общепринятый, устоявшийся способ разрешения определенной категории гражданских дел или применения правовой нормы в сходных правовых ситуациях, тем самым устраняющий возможные проблемы в дальнейшем восприятии, толковании и применении судом норм права.

Переходя к понятию «судебный прецедент», отметим: несмотря на высказывания о нем как о понятии родовом, имеющем неопределенную природу и потому теоретически дискуссионном и практически контрпродуктивном (Ершов 2017, 476), нельзя закрывать глаза на распространенность употребления этого понятия в теоретической и практической юриспруденции, на невозможность его исключения из юридической терминологии. Поэтому мы все-таки попытаемся определить природу такого явления правовой действительности, как судебный прецедент, что, надеемся, позволит использовать данное понятие рациональнее и эффективнее.

² Указанные акты могут рассматриваться как руководящие разъяснения высших судебных органов, акты официального толкования права или источник (форма) права, о чем мы скажем в другой работе.

Наиболее часто судебный прецедент понимается как решение суда по конкретному делу, обязательное для иных нижестоящих или равных судов в тождественной правовой ситуации.

Хотя судебный прецедент как источник (форма) права изначально не был присущ континентальной системе права, к которой принадлежит право российское, элементы прецедентного права внедряются в российское правовое поле в результате объективно существующих процессов глобализации и конвергенции правовых систем, выражающихся во взаимном проникновении феноменов, присущих одной системе, в другую. Тезис о сущностной несовместимости судебного прецедента с российской правовой системой остается полностью справедливым, если рассматривать в качестве судебного прецедента решения не высших судебных органов, а иных, нижестоящих судов. Потому мы согласны с А. Ф. Черданцевым, который трактует судебный прецедент как «положение, содержащееся в решении высшей судебной инстанции по конкретному делу, обязательное для иных судов при разрешении аналогичных дел» (Черданцев 2000, 189), в той части, в которой он относит к судебному прецеденту результаты деятельности исключительно высших судов.

Н. А. Подольская предлагает расширенную характеристику данной категории: «Судебный прецедент — это решение суда высшей инстанции по конкретному делу, вынесенное по первой, апелляционной или кассационной инстанции или в процессе нормативного или казуального толкования правовых норм, опубликованное в периодическом издании, не только являющееся актом применения права, но и содержащее норму (-ы) права, обязательную для применения как этим же судом, так и судом равной юрисдикции и нижестоящим судом» (Подольская 2000, 149). С таким определением сложно полностью согласиться, поскольку, во-первых, казуальное толкование, как следует из самого его наименования, обязательно для конкретной ситуации (данного дела) (Василевич 2017); во-вторых, возникает вопрос: можно ли приравнивать публикацию в любом периодическом издании к официальному опубликованию; и, в-третьих, из данного определения не вполне ясно, идет ли в нем речь о нормах права, воспроизводимых судом в тексте судебного постановления, или о нормах права, сформулированных судом при разрешении конкретного дела. Кроме того, данная дефиниция не учитывает, что судебному прецеденту как источнику (форме) права перманентно присуще качество устойчивости, т. е. судебное решение, рассматриваемое в данном качестве, должно обладать свойством окончательности и сохранять силу в течение неопределенного времени, в то время как решение, принятое судом, даже ВС РФ, в результате рассмотрения конкретного дела по первой (естественно, вступившее в законную силу, ибо не вступившие в законную силу судебные постановления не обладают свойством обязательности даже в качестве судебных актов) либо апелляционной инстанции, сложно назвать таковым ввиду возможности его пересмотра в кассации, а решение, принятое кассационной инстанцией, также может быть пересмотрено, хотя и в экстраординарном (надзорном) порядке, т. е. качество устойчивости у них не достаточно выражено для положительного решения вопроса о признании их судебным прецедентом как источником (формой) права.

Несмотря на то что еще В. С. Нерсесянц отмечал своеобразие судебного прецедента как источника права, состоящее «не только в специфике правила прецедента, но также в том, что современное его содержание в Англии существенно отличается

от “классического” его аналога, а его интерпретация в других англоязычных странах не во всем соответствует английскому образцу» (Нерсисянц (ред.) 2004, 269), мы полагаем возможным определить судебный прецедент как окончательное, т.е. не подлежащее пересмотру другими судами, судебное постановление по конкретному делу, признаваемое государством в качестве обязательного в тождественной правовой ситуации, которым равные или нижестоящие суды обязаны неоднократно руководствоваться при разрешении аналогичных дел и для обеспечения обязательности которого процессуальным законом установлено, что отклонение от такого образца является основанием для отмены или пересмотра судебных постановлений по аналогичным делам, рассмотренным равными либо нижестоящими судами, и которое в результате представляет собой санкционированную государством форму выражения нормы права.

Еще на заре XX в. Г. Ф. Шершеневич писал, что каждое судебное решение может обладать двойным значением: «Оно разрешает тот конкретный случай, который вызвал судебную деятельность, и оно может стать правилом разрешения подобных случаев на будущее время» (Шершеневич 1995, 83). В первом случае речь идет о правоохранительной функции судебного решения, направленной на обеспечение защиты конкретного нарушенного права и компенсации последствий такого нарушения, а также об индивидуальном регулировании поведения, выраженном в непосредственном воздействии решения на материальные правоотношения и правовой статус лиц, участвующих в деле (Исаенкова и Демичев 2009, 260). Во втором случае судебное решение можно рассматривать как значимый для других судов ориентир, применяемый при разрешении подобных дел, или обязательный для применения другими судами образец применения и толкования нормы права в тождественной ситуации.

Кроме того, судебное решение, ставшее для других судов обязательным первообразом, оказывает влияние на поведение граждан, организаций и иных участников правоотношений, поскольку они вынуждены его учитывать в своей деятельности, имея в виду, что при возникновении правового конфликта, влекущего обращение в суд, он будет разрешен в соответствии с имеющимся первообразом. Следовательно, судебный акт, обладающий признаками судебного прецедента, приобретает свойство регулятора общественных отношений, обязательного для всех их участников.

Говоря о возможности судебного прецедента в отечественной правовой системе, непременно стоит отметить, что актуальное российское законодательство не содержит в себе ни одной нормы, которая напрямую и однозначно одобряла бы данный феномен или запрещала бы рассматривать его в качестве источника права. Единственная норма, которая могла бы содержать соответствующее правовое регулирование, а именно ст. 1 Гражданского процессуального кодекса РФ³ (далее — ГПК РФ) «Законодательство о гражданском судопроизводстве», определяющая состав соответствующего законодательства, не содержит такого прямого запрета, что оставляет достаточный простор для дискуссий по данному вопросу в научном сообществе. Более того, указанная статья, как следует из ее наименования, определяет не состав источников гражданского процессуального права, а состав именно

³ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 8 ноября, 2018. <http://www.consultant.ru>.

законодательства о гражданском судопроизводстве, к которому (даже в широком понимании значения термина «законодательство») ни судебная практика, ни судебный прецедент отнесены быть не могут.

Обязательность судебного прецедента означает, что судебное решение приравнивается к правовой норме и является источником права (Абова (ред.) 2003, 403).

О. С. Корострелкина, рассматривая свойство обязательности судебных актов, представляющих собой судебный прецедент, указывает, что он приобретает свойство нормативности в определенных условиях, как то: придание ему свойств общеобязательности посредством особых предписаний либо сложившегося обыкновения; принятие решения определенным, уполномоченным на то судебным органом (как правило, высшим судом); доведение данного решения до всеобщего сведения. Кроме того, она отмечает, что такие положения судебных актов должны быть обязательны не только для данного суда и иных судебных органов, «но и для всех правоприменителей, организаций и граждан, иначе они не могут выступать действительными источниками права» (Корострелкина 2005, 102). Подобный взгляд на свойство обязательности судебных постановлений, безусловно, верен и не оспаривается, когда мы рассматриваем их в качестве актов правосудия, однако вызывает у принципиальных противников судебного правотворчества бурные возражения, когда речь идет об отнесении их к такому виду источников (форм) права, как судебный прецедент.

С. К. Загайнова обращает внимание на смешанный характер правовой природы судебных актов: рассматривая конкретные гражданские дела с участием персонально определенного круга участников гражданского процесса, суд занимается правоприменительной деятельностью, и его акты имеют правоприменительный характер, но при этом в рамках гражданского и арбитражного процесса судебная власть осуществляет контроль за законодательной и исполнительной ветвями власти, в связи с чем судебные решения имеют неперсонифицированный характер, распространяются на неограниченный круг субъектов, что свидетельствует о прецедентном характере таких судебных актов (Загайнова, 2008, 17–18). Мы полагаем данный вывод актуальным, сделанным вовсе не в связи с существованием в гражданском процессе ныне исключенного из него и перекочевавшего в Кодекс административного судопроизводства РФ производства по делам о признании недействующими нормативных правовых актов полностью или в части.

Сторонники противоположной позиции утверждают, что акты высших судебных органов лишены нормотворческого характера. Так, в одном из авторитетных учебников по гражданскому процессу В. В. Молчанов, последовательно выступая против признания судебного нормотворчества, отмечает, что высшая судебная инстанция толкует содержание соответствующей правовой нормы и устанавливает порядок ее применения, при этом ее постановления, «не являясь источниками права, конкретизируют, разъясняют действующие правовые нормы, тем самым оказывая регулирующее воздействие на правоприменительную деятельность» (Треушников (ред.) 2006, 52–53). Д. А. Туманов, отрицая принадлежность судебного прецедента к источникам российского гражданского процессуального права, расценивает акты высших судебных органов как «нормы о нормах» или как «прецедент правоприменения»; его следует понимать как «выраженную в актах высших судебных инстанций позицию по решению того или иного юридического вопро-

са (например, о применении процессуальной аналогии), которая рассматривается нижестоящими судами как образец при решении этих вопросов в последующем» (Туманов 2007, 9–10).

Подобные рассуждения не только не вполне убедительно опровергают тезисы о возможности отнесения судебного прецедента к источникам (формам) права, но и, наоборот, могут быть использованы для их обоснования, ибо они подчеркивают регулятивный характер актов высших судебных органов, в то время как граница между конкретизацией, выявлением нового смысла старой нормы, расширением сферы ее применения, введением «нормы о нормах», с одной стороны, и созданием новой нормы, нового правила поведения — с другой, зачастую весьма призрачна. Остается открытым вопрос о том, в чем для судов и участников правоотношений заключается принципиальная, а не формальная разница между установлением обязательного образца для решения подобных вопросов в последующем высшим судом и установлением обязательного образца поведения в подобных ситуациях законодателем, между расширением сферы применения уже существующей юридической нормы путем ее толкования высшей судебной инстанцией и расширением сферы действия той же нормы путем принятия соответствующего закона.

Обратившись к позитивному праву с тем, чтобы найти в нем элементы регулирования правил создания и применения такого правового феномена, как судебный прецедент, мы заметим, что из содержания п. 3 ст. 391.9 и п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК можно сделать вывод о признании на законодательном уровне обязательности использования судебных постановлений (постановлений Президиума ВС РФ), вынесенных по конкретному делу (судебного прецедента), в качестве образца в тождественной правовой ситуации. Далее мы постараемся продемонстрировать, что создание Президиумом ВС РФ обязательного для неопределенного круга лиц правила поведения, рассчитанного на неопределенный срок, т. е. создание судом новой нормы права, не только возможно теоретически, но и уже имеет практическое воплощение.

В качестве примера таких судебных актов приведем Постановления Президиума ВС РФ от 30.11.2016 № 11ПВ16 и № 14ПВ16. Указанными постановлениями были отменены судебные постановления, состоявшиеся по рассмотренным судами общей юрисдикции искам (аналогичным по требованиям, но не тождественным по субъектному составу), в которых истцы (физические лица) требовали возложить на одного из ответчиков (застройщика) обязанность приобрести в собственность за плату у другого соответчика (городской администрации) земельные участки, объединить их и заключить с истцами договоры участия в долевом строительстве многоквартирного жилого дома на объединенных земельных участках, а также возложить на городскую администрацию обязанность выдать разрешение на строительство на образованном в результате такого объединения земельном участке. Застройщиками были заявлены встречные иски об установлении в отношении указанных в первоначальных исках земельных участков вида разрешенного использования «для строительства жилого комплекса», установлении кадастровой стоимости этих земельных участков, равной их рыночной стоимости, и, кроме того, содержащие требования о выкупе этих земельных участков у городской администрации и прекращении их аренды, о регистрации права собственности на данные земельные участки, об объединении этих земельных участков, о поста-

новке на государственный кадастровый учет земельного участка, образованного в результате объединения указанных в иске земельных участков, о регистрации права собственности на вновь образованный земельный участок, о возложении на городскую администрацию обязанности выдать разрешение на строительство объекта и разрешения на ввод его в эксплуатацию после завершения строительства. Как видно из текстов постановлений, формулировка требований, заявленных первоначальными истцами, не позволила судам первой инстанции безошибочно опознать их как иски о правах на земельные участки, которые в соответствии со ст. 30 ГПК РФ предъявляются в суд по месту их нахождения. Вероятность судебной ошибки увеличилась еще и благодаря тому, что требования истцов не были перечислены в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума Высшего арбитражного суда РФ (далее — ВАС РФ) № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», содержащем перечень исков о правах на недвижимое имущество, а также в связи с отсутствием указания на то, что этот перечень является исчерпывающим. В результате в анализируемых постановлениях было указано, что для исков о любых правах на недвижимое имущество установлена исключительная подсудность по месту нахождения этого имущества, а перечень исков о таких правах, изложенный в п. 2 упомянутого совместного постановления Пленумов ВС и ВАС РФ, не является исчерпывающим. Данное в указанных постановлениях Президиума ВС РФ максимально расширительное понимание категории «иск о правах на недвижимое имущество» стало обязательным для отечественных судов, причем не только для судов общей юрисдикции, но и для арбитражных судов, которые в обоснование своих выводов прямо ссылаются⁴ на постановления Президиума ВС РФ от 30.11.2016 № 11ПВ16 и № 14ПВ16, что позволяет убедительно говорить об их неоднократном применении и обязательном действии в отношении неопределенного круга лиц.

Аргументом против отнесения постановлений Президиума ВС РФ к источникам права, видимо, может быть то, что постановления, названные в вышеприведенном примере, не были официально опубликованы. Действительно, такое обязательно присущее источнику (форме) права свойство, как общеобязательность, неразрывно связано с его общеизвестностью и доступностью. Часть 3 ст. 15 Конституции РФ предусматривает: «Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». И хотя постановления Президиума ВС РФ не относятся к числу нормативных правовых актов, мы убеждены: в том случае, когда они затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, в частности право на доступ к правосудию, они должны быть официально опубликованы, чего не произошло в реальности. Тем не менее в данном случае участники сходных правоотношений были проинформированы о наличии постановлений Президиума ВС РФ путем размещения их текста на сайте ВС РФ⁵. Кроме того, данный недостаток возник как раз в результате отсутствия эксплицит-

⁴ См., напр.: Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2018 № 04АП-189/2018 по делу № А10-7487/2017.

⁵ Постановление Президиума ВС РФ от 30.11.2016 № 11ПВ16. Дата обращения 4 октября, 2018. http://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1502726.

ного закрепления статуса источника права за постановлениями Президиума ВС РФ и его можно достаточно легко устранить путем усовершенствования положений п. 6 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ», которые уже предусматривают публикацию судебных актов ВС РФ, дополнив их указанием на обязательность официального опубликования постановлений Президиума ВС РФ, устанавливающих образец разрешения определенной категории дел, а также указанием на возможность применения подобных актов судами только в случае официального их опубликования. В ином случае применение таких постановлений в качестве основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора или основания для пересмотра дел по новым обстоятельствам может нарушить принцип правовой определенности и право участников процесса на эффективное судебное разбирательство, поскольку неосведомленность лиц, участвующих в аналогичных делах, о позиции высшего судебного органа не позволит им соизмерять свое поведение и принимаемые ими в процессе решения с постановлениями Президиума ВС РФ, содержащими вновь созданные обязательные для неопределенного круга лиц правила поведения, рассчитанные на неопределенный срок.

Положительно разрешив вопрос о принадлежности постановлений Президиума ВС РФ, вынесенных по конкретным делам в порядке надзора, к источникам (формам) гражданского процессуального права, причем не просто признав их фактическую роль в данном качестве, но и отметив пусть имплицитное, но тем не менее легальное закрепление этой принадлежности в п. 3 ст. 391.9 и п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, можно задаться вопросами, аналогичными тем, которые задают ученые, исследующие акты КС РФ в системе источников права, а именно: какая часть исследуемых постановлений является источником права? Где здесь *ratio decidendi* (прямое, обязательное основание решения, принципы, основы, на которых принимается решение), а где *obiter dictum* (попутно сказанное)? Однако мы считаем излишней дискуссию по данным вопросам применительно к исследуемой нами проблеме соотношения данных судебных актов и источников (форм) отечественного гражданского процессуального права по следующим причинам.

Постановления Президиума ВС РФ, вынесенные по конкретным делам в порядке надзора, и с точки зрения факта, и с точки зрения права являются источником (формой) права в целом, внешним выражением, внешней формой существования права, содержащей внутри себя *ratio decidendi*, и выделять в них обязательную и необязательную часть будет суд, рассматривающий конкретное дело. Именно этот суд определит, что следует считать *ratio decidendi*, а что *obiter dictum* для разрешения конкретного рассматриваемого им дела. В вышеприведенном Постановлении Президиума ВС РФ от 30.11.2016 № 14ПВ16, кроме уже выявленного *ratio decidendi* в виде расширения понятия «иск о правах на недвижимое имущество», можно выделить и другое обязательное для судов правило, состоящее в том, что при определенных обстоятельствах судебные постановления о прекращении производства по делу, вынесенные в связи с отказом от иска, подлежат отмене без инициативы как истцов, отказавшихся от иска, так и других лиц, участвовавших в указанных делах⁶.

⁶ Послужившие основанием для прекращения производств по делам заявления первоначального и встречного истцов об отказе, соответственно, от первоначального и встречного иска поступили в суды после отмены решений судов, которыми были удовлетворены их исковые требо-

Таким образом, при разрешении одной категории дел суд может применить в качестве *ratio decidendi* одну часть постановления Президиума ВС РФ, а при разрешении другой — другую часть, и то, что в первом случае воспринимается как *obiter dictum*, на самом деле представляет собой *ratio decidendi*, подлежащий применению в другой правовой ситуации. Исходя из этого, можно расценить деятельность суда по выявлению обязательной и необязательной для него при рассмотрении конкретного дела части постановления Президиума ВС РФ как сходную с его же деятельностью по выбору подлежащей применению гражданской процессуальной нормы из актов материального права, являющихся источниками права гражданского процессуального. Следовательно, дискуссия по данному поводу является излишней, как и дискуссия о том, что является источником гражданского процессуального права — Семейный кодекс РФ в целом или его ст. 17 и 70, содержащие правила, конкретизирующие соответственно положения ст. 22 ГПК РФ о судебной подведомственности и ст. 4 ГПК РФ о составе лиц, имеющих право предъявить иск. Кроме того, п. 3 ст. 391.9 и п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ говорят об обязательности постановлений Президиума ВС РФ, а не их части, что с формально-юридической точки зрения также не дает основания для углубления в дискуссию по этому поводу.

Хотя приведенные примеры в сфере гражданского процессуального права пока немногочисленны, тем не менее они уже есть, а значит, вновь могут появиться. Нижестоящие суды обязаны руководствоваться правилами разрешения конкретных правовых казусов, содержащимися в таких постановлениях, и даже пересматривать свои вступившие в законную силу решения при определении либо изменении в постановлении Президиума ВС РФ практики применения правовой нормы. Действующая редакция ГПК относит это к новым обстоятельствам, являющимся основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений. Механизмом, обеспечивающим на государственном уровне обязательность таких постановлений, выступает институт пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора.

Поэтому считаем необходимым согласиться с Е. А. Борисовой в том, что вопрос о роли судебного прецедента как источника права на практике решен независимо от продолжающейся дискуссии (Борисова 2004, 179), и судебный прецедент в виде постановлений Президиума ВС РФ, вынесенных по конкретному делу, существует в современной России. Однако подчеркнем: это решение закреплено в гражданском процессуальном праве отнюдь не эксплицитно и применимо исключительно к постановлениям Президиума ВС РФ, вынесенным по конкретным делам, но не к утверждаемым Президиумом обзорам судебной практики. Более того, как следует из Постановления КС РФ от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других», применение постановлений Президиума ВС РФ в качестве актов, обязательных для нижестоящих судов (т. е. такой формы права,

вания, по вновь открывшимся обстоятельствам. Определения судов первой инстанции об отмене собственных решений по вновь открывшимся обстоятельствам были отменены Президиумом ВС РФ, и эти отмены повлекли отмену определений о прекращении производства по делу. Однако отмены указанных определений, насколько нам удалось обнаружить, никто из участвовавших в делах лиц не требовал.

как судебный прецедент), допустимо при соблюдении целого ряда дополнительных условий:

- наличие в соответствующем постановлении Президиума ВС РФ прямого указания на придание сформулированной в нем правовой позиции обратной силы применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами;
- недопустимость придания обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение граждан как слабой стороны в их правоотношениях (пенсионных, жилищных, социальных и др.) с органами государственной власти, местного самоуправления и т. д.
- соблюдение установленного законом процессуального срока (Самсонов 2018).

По нашему мнению, именно наличие таких дополнительных условий, а желательно — их законодательное закрепление, позволит эффективно использовать судебный прецедент (постановления Президиума ВС РФ, вынесенные по конкретным делам) в качестве источника (формы) права, сохранив принцип разделения властей и избежав опасности судебного произвола.

Говорить же о возможности признания источником права судебной практики, даже включенной в обзор, утвержденный постановлением Президиума ВС РФ, по нашему убеждению, в настоящее время преждевременно, поскольку смысл п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы Судебной коллегией ВС РФ по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке. Примерно так же (логически верно) КС РФ мотивировал свою правовую позицию, изложенную в упомянутом Постановлении от 17.10.2017 № 24-П.

Существующее положение, при котором судебная практика не может быть признана источником гражданского процессуального права, как мы полагаем, не в состоянии было исправить предлагавшееся ранее ВС РФ, но впоследствии исключенное из законопроекта № 448690-7 изменение п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, нацеленное на включение в число оснований для пересмотра по новым обстоятельствам такого основания, как «определение либо изменение практики применения правовой нормы, содержащееся в... обзоре судебной практики ВС РФ, утвержденном Президиумом ВС РФ». Однако поскольку в дальнейшем не исключается возможность повторения подобной попытки расширения оснований для пересмотра судебных постановлений по новым обстоятельствам, такое предложение изначально представляется теоретически дискуссионным. Во-первых, включение в обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом ВС РФ, судебных актов, вынесенных Судебными коллегиями ВС РФ по конкретным делам, не изменяет их свойств, ибо, решая вопрос о включении в обзор того или иного судебного акта, Президиум ВС РФ само дело не рассматривает; во-вторых, нельзя отрицать тот факт, что, в отличие от постановления Президиума ВС РФ, вынесенного по конкретному делу, все иные судебные акты, вынесенные по делу, включая определения Судебных коллегий ВС РФ, могут быть пересмотрены в порядке надзора, т. е. для отечественной системы гражданского судопроизводства не являются абсолютно окончательными.

К этому можно добавить, что включение в обзоры судебной практики постановлений Президиума ВС РФ, вынесенных по конкретным делам, также не изменяет их правовой природы, и судебным прецедентом — источником (формой) права — является постановление Президиума ВС РФ по конкретному делу, а не тот обзор, в который оно включено.

Что же касается, постановлений нижестоящих судов, то, по нашему мнению, нет оснований для включения судебных актов судов первой, апелляционной и кассационной инстанции в состав источников (форм) права, поскольку такие решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов могут быть оспорены и пересмотрены в установленных федеральным законом процессуальных процедурах и, соответственно, не обладают свойством окончательности; не предусмотрена и обязательность официального опубликования таких решений (с которой, полагаем, не следует смешивать деятельность по размещению информации о деятельности судов в сети Интернет), что также исключает для иных правоприменителей обязанность следования им при разрешении других дел (см. Постановление КС РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ»). Возможность же опубликования отдельных судебных решений или извлечений из них, как справедливо отмечают А. И. Дихтяр и Н. А. Рогожин, не выступает достаточной гарантией для реализации положений, содержащихся в ст. 15 Конституции РФ (Дихтяр и Рогожин 2003, 3).

Кроме того, КС РФ уже достаточно давно и однозначно выразил свое негативное отношение к возможности включения судебных актов судов первой, апелляционной и кассационной инстанции в состав источников (форм) права. В п. 4 Постановления КС РФ от № 19-П указано, что решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов не имеют общеобязательного значения, они не обязательны для иных судов по другим делам, так как суды самостоятельно осуществляют толкование подлежащих применению нормативных предписаний, следуя при этом Конституции РФ и федеральному закону. Говорить же о распространении вышеуказанных выводов на постановления Президиума ВС РФ вынесенные в порядке надзора, на наш взгляд, недопустимо, поскольку придающие последним обязательный характер положения п. 3 ст. 391.9 и п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ законодательно закреплены после принятия КС РФ Постановления № 19-П и являются, образно говоря, выражением воли суверена в лице законодательного органа, делегирующего соответствующие полномочия Президиуму ВС РФ, что обусловлено экстраординарным характером его деятельности в качестве суда надзорной инстанции.

Таким образом, опираясь на проведенный анализ вышеизложенных мнений, правовых позиций КС РФ и современного законодательства, можно сделать вывод том, что в настоящее время как судебная практика, так и судебный прецедент судов общей юрисдикции *de jure* не признаны источниками (формами) гражданского процессуального права (за исключением постановлений Президиума ВС РФ, имплицитно признанных таковыми на законодательном уровне). Утверждение о том, что ни единичный, ни многократный судебный прецедент не создает права, а является простым актом применения нормы права (Зивс 1981, 177), в целом (исключая постановления Президиума ВС РФ, вынесенные в порядке надзора по конкретным делам) с точки зрения юридического позитивизма сохраняет актуальность.

Тем не менее, как справедливо отмечает Г.Д. Улетова, признание судебного прецедента источником (формой) права прежде всего связано с формирующимся в настоящее время новым типом правопонимания, который должен отвечать потребностям и уровню развития современной жизни (Момотов, Улетова, Маркова-Мурашова 2011).

Хотя постановления Президиума ВС РФ, вынесенные по конкретным делам (как мы показали выше), имплицитно признаны источником права на законодательном уровне, по нашему убеждению, такое признание в целях обеспечения эффективности правотолкования и правоприменения следует перевести в разряд эксплицитных, для чего ст. 1 ГПК РФ «Законодательство о гражданском судопроизводстве» следует переименовать в «Источники (формы) гражданского процессуального права» и уже сегодня включить указанные постановления в состав источников (форм) гражданского процессуального права, предусмотрев на законодательном уровне обязательность их официального опубликования.

3. Выводы. Судебная практика и судебный прецедент представляют собой близкие, но не тождественные явления правовой действительности.

Судебную практику в узком смысле применительно к гражданскому процессуальному праву следует рассматривать как совокупность судебных постановлений, принятых судами общей юрисдикции при рассмотрении и разрешении конкретных дел, представляющую собой обобщенный результат правоприменительной деятельности судов разного уровня, очерченную иерархическими границами — от вынесенных судом первой инстанции решений по конкретным делам до вынесенных Президиумом ВС РФ постановлений в порядке надзора, включающую элемент правотолкования, направленный на выявление содержания применяемой нормы, и выражающую общепринятый, устоявшийся способ разрешения определенной категории гражданских дел или применения правовой нормы в сходных правовых ситуациях, тем самым устраняющий возможные проблемы в дальнейшем восприятии, толковании и применении судом норм гражданского процессуального права.

Судебным прецедентом является судебное постановление по конкретному делу, признаваемое государством в качестве образца в тождественной правовой ситуации, которым равные или нижестоящие суды обязаны неоднократно руководствоваться при разрешении аналогичных дел и для обеспечения обязательности которого процессуальным законом установлено, что отклонение от такого образца является основанием для отмены или пересмотра судебных постановлений по аналогичным делам, рассмотренным равными либо нижестоящими судами.

В настоящее время ни судебная практика, ни судебный прецедент судов общей юрисдикции *de jure* не являются источниками (формами) гражданского процессуального права, за исключением вынесенных в порядке надзора постановлений Президиума ВС РФ по конкретным делам, имплицитно признанных таковыми на законодательном уровне. В связи с этим предлагается перевести такое признание в разряд эксплицитных путем переименования ст. 1 ГПК РФ «Законодательство о гражданском судопроизводстве» в «Источники (формы) гражданского процессуального права», включения указанных постановлений в состав источников (форм) гражданского процессуального права и введения на законодательном уровне обязательности их официального опубликования, а также регламентировать условия применения судебного прецедента в качестве источника права.

Библиография

- Абова, Тамара Е. (ред.). 2003. *Процессуальное право: энциклопедический словарь*. М.: Норма.
- Алексеев, Сергей С. 1981. *Общая теория права*. В 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература.
- Борисова, Елена А. 2004. «Судебная практика как источник гражданского процессуального права». *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса* 3: 173–184.
- Братусь, Сергей Н. (ред.). 1975. *Судебная практика в советской правовой системе*. М.: Юридическая литература.
- Василевич, Григорий А. 2017. «Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов: понятие, виды, юридические последствия». *Журнал российского права* 2: 5–13.
- Дегтярев, Сергей Л. 2012. «Судебная деятельность как источник гражданского процессуального и арбитражного процессуального права». *Российский юридический журнал* 3: 173–179.
- Дихтяр, Ангелина И., Николай А. Рогожин. 2003. «Источники права и судебная практика». *Юрист* 1: 2–7.
- Ершов, Валентин В. 2017. *Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений*. М.: РГУП.
- Жуйков, Виктор М. 1997. *Судебная защита прав граждан и юридических лиц*. М.: Городец.
- Загайнова, Светлана. 2008. «Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы». Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, Уральская государственная юридическая академия.
- Зивс, Самуил Л. 1981. *Источники права*. М.: Наука.
- Исаенкова, Оксана В., Алексей А. Демичев. 2009. *Гражданское процессуальное право России: учебник*. М.: Норма.
- Корострелкина, Ольга. 2005. «Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права». Дис. ... канд. юрид. наук, МГЮА им. О. Е. Кутафина.
- Малешин, Дмитрий Я. 2011. *Гражданская процессуальная система России*. М.: Статут.
- Момотов, Виктор Р., Галина Д. Улетова, Светлана А. Маркова-Мурашова, 2011. «Применение института аналогии в материальном и процессуальном праве России: история и современность». *Современное право* 10: 3–12.
- Нерсесянц, Владик С. (ред.). 2004. *Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов*. М.: Норма.
- Подольская, Нина А. 2000. «К вопросу о понятии прецедента как источника права». *Судебная практика как источник права: 149–152*. М.: Юрист.
- Самсонов, Николай В. 2018. «Действие принципов правовой определенности и *res judicata* в гражданском процессе (в свете постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П)». *Арбитражный и гражданский процесс* 3: 6–11.
- Ткачева, Наталья Н. 2013. «К вопросу об отнесении судебной практики по гражданским делам к источникам гражданского процессуального права». *Современное право* 10: 88–91.
- Треушников, Михаил К. (ред.). 2006. *Гражданский процесс: учебник*. М.: Городец.
- Туманов, Дмитрий А. 2007. «Пробелы в гражданском процессуальном праве». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, МГЮА им. О. Е. Кутафина.
- Цихоцкий, Анатолий. 1997. «Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам». Дис. ... д-ра юрид. наук, Сибирский университет потребительской кооперации.
- Черданцев, Александр Ф. 2000. *Теория государства и права: учебник для вузов*. М.: Юрайт.
- Шершеневич, Габриэль Ф. 1995. *Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.)*. М.: СПАРК.
- Ярков, Владимир В. 2008. «Статус судебной практики в России: некоторые вопросы». *Тенденции развития гражданского процессуального права России: сб. науч. ст.: 49–68*. СПб.: Юрид. центр Пресс.

Статья поступила в редакцию 16 мая 2018 г.;
рекомендована в печать 15 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Самсонов Николай Владимирович — канд. юрид. наук, доцент; nsamsonov@yandex.ru

On the place and significance of judicial practice and legal precedent in Russian civil procedural law

N. V. Samsonov

Rostov branch of the Russian State University of Justice,
Russian Federation, 344000, Rostov-on-Don, pr. Lenina, 66

For citation: Samsonov, Nikolai V. 2019. "On the place and significance of judicial practice and legal precedent in Russian civil procedural law". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 293–310. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.207>

The article examines the possibility of attributing judicial practice and judicial precedent to the sources (forms) of civil procedural law. The author claims that these categories are close, but not identical; analyzes various approaches to their understanding in the legal literature, and also formulates their definitions. The author distinguishes judicial practice in a broad and narrow sense, outlining the hierarchical boundaries of the latter from decisions made by the court of first instance to decisions of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, made in specific cases as supervisors; the author draws attention to the special nature of the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and reviews of judicial practice approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, due to the fact that they are not acts issued in specific cases, and are taken out of procedural form. The author substantiates the thesis that the rulings of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, issued in exercising supervision, constitute a judicial precedent, currently implicitly recognized as the source (form) of the right at the legislative level, while the rest of the judicial practice within the specified limits individual elements, or in general, the source of law is not, and provides relevant examples. The author proposes the need to transfer implicit recognition of decisions of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, made in specific cases in the order of supervision to the category of explicit ones; and also notes the need to legislate additional conditions for the use of judicial precedent as a source (form) of law.

Keywords: civil proceedings, judicial practice, judicial precedent, sources of civil procedural law.

References

- Abova, Tamara E. (ed.). 2003. *Protsessual'noe pravo: entsiklopedicheskii slovar'* [Procedural law: encyclopedic dictionary]. Moscow: Norma Publ. (In Russian)
- Alekseev, Sergej S. 1981. *Obshchaia teoriia prava* [General theory of law]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Legal Literature Publ. (In Russian)
- Borisova, Elena A. 2004. "Sudebnaia praktika kak istochnik grazhdanskogo protsessual'nogo prava" ["Judicial practice as a source of civil procedural law"]. *Rossiiskii ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa* [Russian yearbook of civil and arbitration process] 3: 173–184. (In Russian)
- Bratus, Sergej N. (ed.). 1975. *Sudebnaia praktika v sovetskoj pravovoi sisteme* [Judicial Practice in the Soviet Legal System]. Moscow: Legal literature Publ. (In Russian)
- Cherdantcev, Alexandr F. 2000. *Teoriia gosudarstva i prava: uchebnik dlia vuzov* [Theory of state and law: a textbook for high schools]. Moscow: Yurayt Publ. (In Russian)
- Cihockij, Anatolij V. 1997. "Teoreticheskie problemy effektivnosti pravosudiia po grazhdanskim delam" ["Theoretical problems of the effectiveness of justice in civil cases"], Dr. Sci. Thesis, Siberian University of Consumer Cooperatives. (In Russian)
- Degtyarev, Sergej L. 2012. "Sudebnaia deiatel'nost' kak istochnik grazhdanskogo protsessual'nogo i arbitrazhnogo protsessual'nogo prava" ["Judicial activity as a source of civil procedural and arbitration procedural law"]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian juridical journal] 3: 173–179. (In Russian)

- Dihtyar, Angelina I., Nikolai A. Rogozhin. 2003. "Istochniki prava i sudebnaia praktika" ["Sources of law and judicial practice"]. *Yurist [Lawyer]* 1: 2–7. (In Russian)
- Ershov, Valentin V. 2017. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii [Legal and individual regulation of public relations]*. Moscow: RPMU Publ. (In Russian)
- Isaenkova, Oksana V., Aleksei A. Demichev. 2009. *Grazhdanskoe protsessual'noe pravo Rossii [Civil procedure law of Russia]*. *Textbook*. Moscow: Norma Publ. (In Russian)
- Korostrelkina, Olga N. 2005. "Sudebnaia praktika i sudebnyi pretsedent v sisteme istochnikov rossiiskogo prava" ["Judicial practice and judicial precedent in the system of sources of Russian law"], PhD Thesis, MSUA of O. E. Kutafin. (In Russian)
- Maleshin, Dmitrii Ya. 2011. *Grazhdanskaia protsessual'naia sistema Rossii [Civil procedure system in Russia]*. Moscow: Statute Publ. (In Russian)
- Momotov, Viktor R., Galina D. Uletova, Svetlana A. Markova-Murashova, 2011. "Primenenie instituta analogii v material'nom i protsessual'nom prave Rossii: istoriia i sovremennost'" ["Application of the institute of analogy in the material and procedural law of Russia: history and modernity"]. *Sovremennoe pravo [The modern law]* 10: 3–12. (In Russian)
- Nersesyanc, Vladik S. (ed.). 2004. *Problemy obshchei teorii prava i gosudarstva: uchebnik dlia vuzov [Problems of the general theory of law and the state: textbook for universities]*. Moscow: Norma Publ. (In Russian)
- Podol'skaya, Nina A. 2000. "K voprosu o poniatii pretsedenta kak istochnika prava" ["On the issue of the notion of a precedent as a source of law"]. *Sudebnaia praktika kak istochnik prava [Judicial Practice as a Source of Law]*: 149–152. Moscow: Lawyer Publ. (In Russian)
- Samsonov, Nikolai V. 2018. "Deistvie printsipov pravovoi opredelennosti i res iudicata v grazhdanskom protsesse (v svete postanovleniia Konstitutsionnogo suda RF ot 17.10.2017 № 24-P)" ["The Appliace of the principles of legal certainty and res iudicata in the civil process (in the light of the decision of the constitutional court of the Russian Federation of October 17, 2017 No. 24-P)"]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii process [Arbitration and civil process]* 3: 6–11. (In Russian)
- Shershenevich, Gabriell' F. 1995. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [po izdaniiu 1907 g.] [Textbook of russian civil law [edition of 1907]]*. Moscow: SPARK Publ. (In Russian)
- Tkacheva, Natal'ya N. 2013. "K voprosu ob otnesenii sudebnoi praktiki po grazhdanskim delam k istochnikam grazhdanskogo protsessual'nogo prava" ["On the Issue of attributing judicial practice in civil cases to the sources of civil procedural law"]. *Sovremennoe pravo [Contemporary law]* 10: 88–91. (In Russian)
- Treushnikov, Mihail K. (ed.). 2006. *Grazhdanskii protsess: uchebnik [Civil process: textbook]*. Moscow: Gorodets Publ. (In Russian)
- Tumanov, Dmitry A. 2007. "Probely v grazhdanskom protsessual'nom prave" ["Gaps in Civil Procedural Law"]. Author's abstract. of PhD Thesis, MSUA of O. E. Kutafin. (In Russian)
- Vasilevich, Grigorij A. 2017. "Tolkovanie (raz)iasnenie) normativnykh pravovykh aktov: poniatie, vidy, iuridicheskie posledstviia" ["Interpretation (explanation) of normative legal acts: concept, types, legal consequences"]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian law]* 2: 5–13. (In Russian)
- Yarkov, Vladimir V. 2008. "Status sudebnoi praktiki v Rossii: nekotorye voprosy" ["Status of Judicial Practice in Russia: Certain Question"]. *Tendentsii razvitiia grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossii: sbornik nauchnykh statei [Trends in the development of civil procedural law of Russia: collection of scientific articles]*: 49–68. St. Petersburg: Yurid. centr Press Publ. (In Russian)
- Zagajnova, Svetlana K. 2008. "Sudebnye akty v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: teoreticheskie i prikladnye problemy" ["Judicial Acts in Civil and Arbitration Proceedings: Theoretical and Applicative Problems"]. Author's abstract of Dr. Sci. Thesis, The Ural State Law Academy. (In Russian)
- Zhujkov, Viktor M. 1997. *Sudebnaia zashchita prav grazhdan i iuridicheskikh lits [Judicial protection of the rights of citizens and legal entities]*. Moscow: Gorodets Publ. (In Russian)
- Zivs, Samuil L. 1981. *Istochniki prava [Sources of law]*. Moscow: Science Publ. (In Russian)

Received: May 16, 2018

Accepted: February 15, 2019

Author's information:

Nikolai V. Samsonov — PhD, associate professor; nsamsonov@yandex.ru